

Телегид

Госканалам не нужен такой персонаж, как я

объяснить руководству, что это совсем не развлекает публику, а, наоборот, отталкивает зрителя. Для того чтобы приглашать хороших музыкантов, этой программе надо заработать авторитет. К нам идут интересные гости, потому что они имели со мной дело, видели мои фильмы, но после того как там начинает звучать такая музыка, я вижу, как они опускают головы, им становится неудобно.

— Вероятно, многие участники приходят на программу именно из-за того, что ее ведет вы?

— В основном гостей приглашают редакторы, но, бывает, и я в этом участвую. Они идут под мое имя, потому что я, надеюсь, пока не скомпрометировал себя. Хотя бывают и трудности. В студии сидят шесть-семь гостей. Это очень трудно — выбрать на каждую программу столько интересных собеседников по одной теме. Когда вы приглашаете человека, он всегда спрашивает: «А кто еще будет в студии?» И если приглашен некто, с кем он не хочет сидеть рядом, приходится всю программу выстраивать заново.

— Бывает, что вам снимают какие-то особенно острые темы?

— Цензура пришла, это уже ясно всем. Но, я повторяю, руководство телеканала ТВЦ идет на то, чтобы улучшить программу. Меня не ставят в определенные рамки. Какие-то темы руководство предлагает, но я от них, бывает, и отказываюсь. Например, я отказался от темы «Любовь к власти». Перед выборами это было бы слишком в лоб.

— Скажите, а у вашей собственной ностальгии какое лицо?

— Свою ностальгию я выразил в картине «Музыка для декабря». Меня беспокоит, что люди очень разобщились, ведут замкнутую жизнь. Куда-то исчезла дружба. Все стали активно заниматься устройством собственных дел. Обратите внимание, мы с вами сидим в кафе, и здесь все время играет музыка. Нет ни одного заведения, где бы она не играла. А зачем она играет? Разве кто-то танцует или людям не о чем говорить? По всем тенденциям наше государство становится административным, бюрократическим, чванливым и иерархическим. Перспективу такого государства я знаю. Я прожил в нем всю жизнь.

Но не надо во всем винить только власть. Мы, как та унтер-офицерская вдова, сами себя высекли. Чувство свободы воспитывается столетиями. А что такое свобода? Моя мама говорила: «Для того чтобы быть чистым, нужно, чтобы мылась твоя бабушка». Для того чтобы быть свободным, нужно, очевидно, чтобы бабушка была свободной.

— Вам не странно, что интеллигенция, призванная быть совестью общества, сейчас активно записывается в партию власти?

— Не будем называть этих людей интеллигенцией. Не все то зо-

Иван ДЫХОВИЧНЫЙ родился в 1947 году в Москве. Окончил актерский факультет Театрального училища имени Щукина, работал в Ленинградском театре миниатюр, потом вернулся в Москву и стал одним из ведущих актеров в Театре на Таганке. Окончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве — его мастером был сам Андрей Тарковский. Кинематографическая карьера Ивана Дыховичного сложилась удачно. Он стал известен уже после своих короткометражек «Братья» и «Испытатель». А затем были «Черный монах», «Прорва», «Женская роль» и «Музыка для декабря». Дыховичный удостоен многих отечественных и международных наград, среди которых приз Фонда культуры имени Жоржа Садуля за лучший дебют года, призы кинопрессы «За лучший фильм», «За фильм, определяющий стиль года».

лото, что подорожало. Кстати, слова «интеллигенция» нет ни в одном языке мира.

— Как и слова «ностальгия». Говорят, это национальная русская черта.

— Конечно, потому что нам все время кажется — или раньше было лучше, или дальше будет хорошо. Мы никогда не жили настоящим.

— Расскажите, а почему из кино, где вы уже состоялись как режиссер, вы пришли на телевидение?

— Меня пригласили на должность главного режиссера российского телеканала. Это были тяжелые годы дефолта. Но это было и самое интересное для работы время — появилась возможность делать свежие проекты, заниматься поиском новых форм. Что в сегодняшней обстановке практически невозможно. Я очень люблю телевидение. И мне кажется, что это еще до конца не понятый вид коммуникации, используемый сегодня примитивно и грубо. На нашем телевидении востребованы лишь две его функции — идеологическая и развлекательная. Но если даже говорить об идеологии, то это в основном прямая идеология правящего в это время звена. Но идеология — это ведь более широкое понятие. И она занимается воспитанием человеческого чувства и может влиять на людей так же, как в свое время влияла религия. Я специально говорю такие высокие слова, ведь они достаточно дискредитированы демагогами-политиканами. Кроме всего прочего, телевидение выполняет функцию коммуникации. Оно необходимо людям, живущим в огромной стране, у которых нет возможности перемещаться между городами.

— Каким одним словом вы можете обозначить российское телевидение?

— Засилье. Здесь много людей ленивых и нетворческих, которым лень что-то искать и придумывать, им куда проще купить лицензию на уже готовую западную программу и снимать по накатанному. Зачем напрягать мозги? Но я могу сказать, что лучшие передачи, ко-

торые я видел, были придуманы именно в России. К примеру, «Кинопанорама» и «Очевидное-невероятное».

— Вашу «Уловку-22» не раз называли одной из самых оригинальных программ о кино на нашем телевидении.

— Она была активно востребована в свое время. Телевизионные начальники оперируют понятием рейтинг. Они думают, что если в этот момент их смотрят 35 миллионов человек, то все в порядке. Если бы они показывали порно, то их смотрели бы 60 миллионов, но, думаю, все эти миллионы вряд ли бы сделали из порно какие-нибудь положительные выводы. В «Уловке-22» огромное количество людей, лишенных представления об искусстве кино, увидели что-то свое. Я счастливый человек, потому что мне до сих пор говорят удивительные слова признательности. Вообще мне кажется, что сложнее всего заинтересовать. В результате 80 лет советского рабства в людях убиты пытливость, любопытство. Нас отучили задавать лишние вопросы. А когда в человеке просыпается эта пытливость, он многие вещи для себя по-новому открывает и вырабатывает собственное мнение, которое и определяет свободу человека. У моей программы, безусловно, был свой многочисленный зритель. Да я мог бы придумать и другую программу. Дело не в этом. Это не нужно. Государственным каналам не нужен такой персонаж, как я. Так как я все равно буду говорить то, что думаю. У меня свой путь. Я решил так: раз основные каналы форматированы и тем самым совершенно для меня закрыты, то надо работать на телевидении, которое направлено на маленькую аудиторию. Главные каналы считают: «Подумаешь, вас смотрит всего два миллиона человек». В другой стране это половина населения, а у нас два миллиона — это не цифра. Кроме того, для меня очень важно, что за люди меня смотрят. А число моих зрителей — это уже вещь второстепенная.

Валерия ВАЛЬЦОВА

Уже второй месяц на канале ТВЦ выходит программа «Ностальгия», которую ведет известный режиссер Иван Дыховичный. Зрители помнят его по фильмам «Прорва», «Музыка для декабря» и «Копейка». Впрочем, это не первый опыт Дыховичного на телевидении. До этого два года он проработал главным режиссером РТР, делал программы о кино «Уловка-22» и «Кино+TV». Затем — в короткую весну ТВС — запустил первый в истории российского телевидения реалити-сериал «Деньги». И вот теперь Дыховичный — ведущий интеллектуального джем-сейшена, или, проще говоря, дискуссионного клуба.

— Иван, как в вашу жизнь пришла «Ностальгия»?

— Актер и ведущий «Ностальгии» Александр Белявский попал в больницу, и мне предложили вести эту программу. Я рассудил следующим образом. Во-первых, спасибо, что мне сделали предложение. Во-вторых, на сегодняшний день таких форматов, как «Ностальгия», уже почти нет. Остались одни игры и аншлаги. Я и подумал: а почему не сохранить программу, в которой очень многое можно сказать? Это ведь не ностальгия по сидению на кухне, по тому, какая хорошая жизнь была при советской власти. Идея программы в том, что в жизни на самом деле все повторяется, поэтому нужно помнить свои ошибки, отделять хорошее от плохого. Мы ведь не просто говорим о прошлом, из которого мы вышли, мы говорим и о будущем. Сейчас

многие считают, что наше прошлое нужно примирить с нашим настоящим. Какое прошлое они хотят примирить? У всех прошлое разное. Того, по которому они ностальгируют, я совершенно не хочу. Прекрасно процветают люди, бывшие при той власти первыми. И ведь нельзя сказать, что у нас к ним нет претензий. Мы не собираемся никого клеймить, но в той же Германии после победы над фашизмом разве кто-то мог поставить памятник Гитлеру или привести к власти какого-нибудь начальника, который работал в службе СС? Это нереально. И это здраво. А сейчас опять пошли разговоры о том, что нам нужен новый Сталин. Голосов против почему-то не слышно. И знаете почему? Да потому что тех 40 миллионов узников, что прокляли это имя, давно закопали в землю, а те 10 миллио-

нов, которые их туда закапывали, конечно, хотят Сталина обратно.

— Непростую задачу вы себе избрали, ведь ностальгия для большинства зрителей — это романтическое приукрашивание прошлого.

— Да, «Ностальгия» — трудный формат. Его смотрит пока небольшое, но достаточное для этого канала число зрителей. Однако эту передачу можно сделать живой, острой, тем более что само руководство ТВЦ этого очень хочет. Нам дают волю и свободу.

— Но наверняка не обходится и без проблем?

— Конечно. Я считаю, что введение в формат интеллектуального джем-сейшена музыкальных номеров в корне неправильно. Это убивает передачу. Только мы выходим на занятный поворот темы, и вдруг начинает петь какая-нибудь эстрадная группа. Я никак не могу